

УДК 811.111'36

**ВЕРБАЛЬНО-НЕВЕРБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ
ЛОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
(на материале художественных произведений
английской и американской литературы XX в.)¹**

Тамара Ивановна Леонтьева

к. пед. н., профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41. tamara.leontieva@gmail.com

Людмила Александровна Датчер

доцент кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41. Ludashcheg@Gmail.com

Ольга Владимировна Филиппова

старший преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41. mimfil@mail.ru

Продуцируя ложное высказывание, адресант отказывает партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации. В статье обсуждаются вербальные маркеры ложных высказываний, а также невербальные признаки лжи. В комплексе они составляют вербально-невербальный контекст. Анализ контекста проводится по комплексной методике, позволяющей проследить реализацию названных компонентов с точки зрения психологии, психолингвистики, стилистики, литературоведения и тем самым верифицировать ложь в высказываниях по определенным признакам. Материалом исследования послужили фрагменты диалогов из англоязычной художественной литературы.

Ключевые слова: ложное высказывание; прямой, косвенный потенциальный отказ; проблемная информационная зона; импликатура; невербальные элементы экстралингвистического характера.

Феномен «ложное высказывание» связан с понятиями «ложь» и «обман», которые являются объектами пристального внимания отечественных и зарубежных ученых. Понятие «ложь» используется в науке, педагогической и социальной практике, криминалистике и в повседневной жизни. Философы рассуждают на тему, что есть ложь, часто обращаются к противопоставлению понятий ложь – истина. Представляется интересным отношение ко лжи немецкого философа И. Канта, который полагал, что любое искажение истины «должно быть названо ложью (пусть даже не в юридическом смысле)». Он утверждал также, что ложь «всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще» [Кант 1994: 257–258]. В отечественной пси-

хологии рассматриваются формы и признаки передачи неистинной информации: неправда, полуправда, ложь, обман, вранье и пр. (В.В.Знаков, А.А.Леонтьев, М.Ю.Коноваленко и др.). Вопросы психологии лжи активно изучаются американским специалистом по этой проблеме П. Экманом. Он определяет ложь, или обман, как «действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления в своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [Экман 2009: 22–23].

В данном исследовании ложное высказывание представлено как компонент системы отказа партнеру по коммуникации в праве на получение

полноценной информации / информации как таковой. Под ложным высказыванием понимается высказывание, в котором действительное положение вещей намеренно передается в искаженном виде [Леонтьев, Шахнарович, Батов 1977: 35]. Однако это определение звучит несколько абстрактно, оно не отражает такого различительного признака лжи, как наличие у коммуниканта намерения ввести в заблуждение. О.М. Попчук, исследуя ложные высказывания в русской диалогической речи, так конкретизирует это определение: «высказывание, намеренно искаженно описывающее действительное положение вещей с целью ввести в заблуждение партнера по коммуникации» [Попчук 2006: 7].

При рассмотрении ложного высказывания представляется важным тот факт, что ложь, как подчеркивает А.Р.Лурия, изменяет мышление говорящего, оно строится по другому принципу. Это другое мышление «имеет свои формы, свои правила, свои приемы» [Лурия 1927: 92], которые могут быть обнаружены в процессе лингвостилистического анализа продуцируемых высказываний.

Принимая во внимание вышесказанное, считаем целесообразным предложить следующее определение ложного высказывания: ложное высказывание – это высказывание, намеренно передающее информацию в искаженном виде и сопровождающееся изменением мыслительной деятельности говорящего, которое, в свою очередь, приводит к изменению его невербального поведения.

Речевая коммуникация рассматривается как процесс взаимодействия равноправных партнеров, в котором «адресат имеет право на получение полноценной информации в акте коммуникации, а адресант (источник информации) обладает правом не признавать этого права адресата» [Попчук 2006: 9].

Ложное высказывание является не только лингвистическим, но и психологическим и, как следствие, паралингвистическим явлением. Исследованию собственно паралингвистических явлений, а также явлений невербальной семиотики посвятили свои работы Г.В.Колшанский, Г.Е.Крейдлин, П.Экман и др. Согласно Г.Е.Крейдлину, эмоциональное состояние коммуниканта находит последовательное отражение в характеристике речи. Параязыковые просодические элементы, участвующие в процессе коммуникации и способствующие организации и передаче смысловой информации, являются одной из составляющих центра паралингвистики как раздела невербальной семиотики. В рамках

классификации Г.Е.Крейдлина эмотивную функцию выполняют параметры звучания и некоторые различители. Целям нашего исследования отвечают параметры звучания и голосовые средства, соотносимые с обманом, манипуляцией, такие как интенсивность звука, длительность пауз, темп речи, ритм, высота тона, истерический плач, рыдания, смех [Крейдлин 2000].

На аналогичные признаки обмана обращает внимание американский психолог П. Экман, хотя и отмечает, что нет таких признаков обмана, которые бы «единственно и сами по себе означали бы, что человек лжет. Существуют только признаки, по которым можно заключить, что слова плохо продуманы или испытываемые эмоции не соответствуют словам» [Экман 2009: 59]. Они могут проявляться в мимике, телодвижениях, голосовых модуляциях, глотательных движениях, в глубоком или, наоборот, в поверхностном дыхании, в длинных паузах между словами, в оговорках, микровыражениях лица, неточной жестикуляции [там же].

Как и Г.Е.Крейдлин, П.Экман указывает на эмоциональную сторону лжи: «... Спутниками лжи могут оказаться совершенно различные эмоции, но чаще всего переплетаются с обманом три из них – боязнь оказаться разоблаченным, чувство вины по поводу собственной лжи и то чувство восторга, которое порой испытывает обманщик в случае удачи» [там же: 37]. Достаточно вспомнить эпизод из автобиографической прозы В.В.Набокова «Другие берега», в котором дети пытаются обмануть мать и показывают ей притворные эмоции и реакцию матери: она рыдалась, поняв, что дети старательно разыгрывают перед нею спектакль [Набоков 2000: 167–168]. Жизнь спустя, В.Набокова жгло чувство вины за тот проступок. Какой урок всем нам!

Говоря неправду, собеседник отказывает партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации или информации как таковой. Возникает вопрос о том, какими средствами пользуются участники коммуникации, продуцируя ложные высказывания, и каковы средства их вербального и невербального выражения.

Объектом исследования данной статьи является ложное высказывание как компонент системы отказа партнеру по коммуникации в праве на получение достоверной информации или информации как таковой в художественном тексте (на материале произведений английской и американской литературы XX в.). Предмет исследования составляют вербальные и невербальные средства реализации ложного высказывания и особенно

сти функционирования этих средств в акте коммуникации.

Основой исследования послужила классификация средств отказа в праве на получение полноценной информации/информации как таковой в акте коммуникации, разработанная О.М.Попчук. Согласно классификации все средства отказа подразделяются на средства отказа в праве на получение полноценной информации (высказывания, передающие неполноценную информацию) и на средства отказа в праве на получение информации как таковой (средства, блокирующие выдачу запрашиваемой информации). Причем понятие “неполноценная информация” трактуется шире, чем понятие “ложная информация”, и здесь выделяются неложные и ложные высказывания. В свою очередь, ложные высказывания делятся на имплицитные и эксплицитные. Имплицитные ложные высказывания предполагают использование таких приемов речевого воздействия, как, например, указание собеседнику на бесосновательность его предположений. К эксплицитным ложным высказываниям относятся развернутое ложное высказывание; неразвернутое ложное высказывание (да, нет); ложное высказывание о том, что говорящий не владеет запрашиваемой информацией (не знаю); ложное высказывание о том, что говорящий забыл запрашиваемую информацию (забыл, не помню) [Попчук 2006: 16–17].

В классификации все средства отказа, блокирующие выдачу информации, делятся на средства прямого, косвенного и потенциального отказа. К средствам прямого отказа относятся категоричные заявления о нежелании вести разговор или поддерживать предлагаемую тему беседы. К средствам косвенного отказа относятся: молчание (игнорирование вопроса), встречный вопрос (вопрос, свидетельствующий о якобы непонимании того, о ком (о чем) идет речь; переадресация вопроса спрашивающему; риторический вопрос, переспрос). К средствам потенциального отказа относится пролонгированное высказывание, переключающее внимание партнера с проблемной информационной зоны (ПИЗ), а также вопрос, переключающий внимание партнера.

Остановимся на ложных высказываниях, т. к. именно они, по нашему мнению, нагляднее всего демонстрируют взаимодействие вербального и невербального аспектов их реализации.

В рамках исследования вербально-невербального контекста ложных высказываний мы исходим из необходимости рассмотрения особенностей данного контекста на материале текстов художественных произведений таких

англоязычных авторов XX в., как С.Мюэ, Дж.Б.Пристли и И.Шоу. В художественном тексте, как указывает М.М. Бахтин, автор выступает как «человек, критик, психолог или моралист» [Бахтин 2000: 227]. Именно автор “рефлектирует эмоционально-волевою позицию” своего героя [там же: 226] и создает ситуации, в которых герой выступает либо в качестве искателя правды, либо лица, пробивающего дорогу к своему успеху с помощью лжи и обмана.

Для анализа отобраны диалоги, так как в них проявляют себя правила организации речевого взаимодействия и формируется модель поведения, принятая в обществе. В диалоге обычно раскрываются характеры. Он – средство создания образа, причем этот образ воплощает в себе подробное описание внешнего и внутреннего облика персонажа [Солганик 1997: 132]. Мы рассматриваем диалоги в письменной форме, поскольку прагматический контекст позволяет безошибочно вычленять ложное высказывание из общего потока информации, а в художественном произведении зачастую создается модель реальной речевой ситуации. Поиск фрагментов текстов проводился методом сплошной выборки (около 125 п.л. анализируемых текстов и 60 фрагментов текстов-диалогов, 9 из которых включены в данную статью).

Анализ фактического материала проводился с применением комплексной методики исследования, сочетающей анализ вербальных и невербальных средств выражения ложных высказываний, литературоведческое и стилистическое изучение художественного текста.

«Вербальный» означает «словесный» [Матвеева 2010: 52], и этот термин используется в отечественной литературе в качестве синонима понятия «лингвистический». К вербальным признакам ложного высказывания относятся такие эксплицитные средства, как клишированные ответы, экспрессивная лексика, синтаксические компрессии, пропуски логически необходимых элементов, излишние повторы, многословие и др.

Невербальные средства представляют собой знаки, которые несут в себе определенное смысловое содержание. В некоторых случаях невербальные средства выступают синонимами вербальных единиц и способны заменять их в процессе коммуникации. При отказе партнеру по коммуникации в получении полноценной информации/информации как таковой адресант широко использует приемы невербального воздействия, которые подразделяются на экстралингвистические и паралингвистические. К экстра-

лингвистическим относятся паузы, повышение / понижение тона, громкая и быстрая речь, медленная и тихая речь. Паралингвистические включают в себя эмблемы, т.е. изменение мимики, жесты; иллюстрации – произвольные движения тела или его частей. И те и другие свидетельствуют об эмоциональном переживании происходящего [Экман 2009: 236–237].

Вербально-невербальный контекст представляет собой единство и взаимодействие лингвистического выражения ложных высказываний и психофизиологических реакций коммуниканта.

Обращаясь к исследуемому материалу и руководствуясь нашим определением ложного высказывания, отметим, что при его реализации в речи мыслительная деятельность коммуниканта резко меняется, отражаясь в его психофизиологических реакциях. Очень показательны в этом плане, например, авторские ремарки, описывающие состояние лгущего человека, в романе И.Шоу «Люси Краун».

Люси, героиня романа, впервые изменившая мужу (Oliver) с молодым человеком (Jeff), при разговоре с супругом испытывает очень сильные эмоции, смятение чувств, прежде всего – чувство панического страха и отчаяния. Муж знает от сына о ее измене. Он требует от нее объяснений. Защищаясь, она раздражается многословной тирадой выдуманных подробностей из жизни своего молодого любовника, стараясь доказать абсурдность подозрений мужа.

Oliver watched her closely, already almost convinced because he was so ready to be convinced. "You must get over your habit of thinking men are children until they reach the age of fifty," he said mildly.

"Poor Jeff." Lucy was still laughing. "He'd be so proud if he could hear you. Why," she said, feeling her face frozen in the difficult lines of laughter and inventing spontaneously and without plan, "why, all last winter he was going to dances with a girl who's still in high school in Boston. She's a cheer leader. She wears those short skirts and does somersaults at the high school football games every Saturday afternoon and they can't go to bars when they have dates because none of the bartenders will serve them".

Ей почти удается убедить мужа в своей правоте, она даже начинает испытывать удовольствие от собственной лжи, одновременно сознавая, как это гадко. Авторские ремарки свидетельствуют о том, как изменяется ее мышление:

Listening carefully to herself with her inner ear she sought and found the proper tone of incredulous amusement. It's like a dive, she thought. Once you start, there is no turn back, no matter how high it

suddenly seems, or how deep the water below, or how frightened you are or how much you regret having it started.

Почувствовав, что Оливер сдаётся, она пытается перейти в наступление, вооружившись иронией:

"Is that why you came up here like this? she asked.

"Yes", said Oliver.

Как у всех лгущих, у нее происходит раздвоение сознания. С одной стороны, Люси старается говорить естественно и участливо, с другой стороны, испытывает иррациональное удовольствие, погружаясь все глубже и глубже в ложь:

"That long, long ride alone," said Lucy pityingly. The middle of the dive, going through the air, balancing. "Poor Oliver. Still, if that's the only way I can get you up here, I am satisfied."

Ложные высказывания могут принимать форму прямого отказа партнеру по коммуникации в праве на получение информации, что проявляется в категорическом нежелании начинать или продолжать разговор. Косвенный отказ характеризуется либо молчанием, либо иным способом игнорирования вопроса. Что касается потенциального отказа, то он связан с переключением внимания партнера по коммуникации с проблемной информационной зоны [Попчук 2006: 15].

Теперь обратимся к анализу трех типов ложных высказываний в вербальном и невербальном контексте.

1. Прямой отказ, в котором заявляется о невозможности выдачи запрашиваемой информации. При этом причины отказа могут объясняться или не объясняться адресату. Говорящий либо отказывается продолжить коммуникацию, либо начинает разговор о чем-то другом. С лингвистической точки зрения, такой отказ в англоязычной литературе, как правило, осуществляется с помощью модальных отрицательных конструкций типа: I'd rather not to; I'd sooner not; Let's not speak about it; Forget it и др. Рассмотрим фрагмент диалога отца и сына Хантеров из рассказа С.Мозма "The Fall of Edward Barnard" (Падение Эдварда Барнарда). Сын должен был привезти с острова Гаити своего друга Эдварда в Чикаго, где его ждала невеста. Тема эта очень непростая, и отец долго не решается спросить об Эдварде, но все-таки произносит:

"You haven't brought Edward Barnard back with you."

"No."

Bateman was silent for a moment, and his handsome sensitive face darkened.

“I’d sooner not speak about him, dad,” he said at last.

“That’s all right, my son. I guess your mother will be a happy woman today [Maugham 1977: 168].

В разговоре между отцом (адресант) и сыном (адресат) полужирным шрифтом выделен прямой отказ адресата говорить на предложенную тему, курсивом отмечены невербальные средства планируемого отказа. Предыдущий контекст как бы готовит читателя к тому, что ответ будет неожиданным и, скорее всего, отрицательным. Следует отметить изысканную вежливость англичан, обсуждающих серьезные проблемы подобным образом: форма выражения прямого отказа (полужирный шрифт) отличается вежливостью и деликатностью, что грамматически выражается с помощью модального выражения “I’d sooner not + V”, значение которого не столь резко и категорично, как, например, русское «Давай не будем об этом говорить». Сама ситуация (контекст) подсказывает способ выражения: в этой семье отлично понимают друг друга с полуслова. Доказательством этого факта является последняя реплика отца в цитируемом отрывке, в которой он извиняет сына за отказ в получении от него полноценной информации и осознает собственную бестактность.

Невербальные средства, используемые автором (выделены курсивом), свидетельствуют о том, что тема, затронутая отцом в разговоре, очень нелегка для адресата, его сострадание «погибающему», по его понятиям, другу выражено с помощью описания его изменившегося настроения (Бэйтмен помедлил, его красивое, тонкое лицо омрачилось); это невербальные средства эмблематического характера (изменяется выражение лица). Кроме того, выражение “at last” (наконец) передает волнение сына перед возможностью вопроса о его друге и, конечно же, нежелание отвечать на вопрос и «оттягивание» ответа.

Следующий пример прямого отказа взят из романа И. Шоу “Lucy Crown” (Люси Краун).

Oliver put his glass down and spoke very gently. “What did you say, Tony?”

“I don’t want to stay here with mother and Jeff”.

“Why?”

“I can’t tell you.”

Oliver glanced sharply at the boy. He was sitting with his head bent, staring at his shoes, his hands plunged in his pockets, looking resentful and embarrassed [Shaw 1989: 85].

В этом акте коммуникации через вербальные средства продемонстрирован прямой отказ парт-

нера по коммуникации в передаче правдивой информации (“I can’t tell you”).

Авторский комментарий (выделен курсивом) передает отчаяние, решимость и стыд ребенка, чувствующего ужас от того, что случилось (адюльтер матери), и беспомощность от того, что нельзя, невозможно об этом рассказать. Невербальные элементы (иллюстрации) свидетельствуют о его психофизическом состоянии: опущенная голова, руки в плену карманов; взгляд, устремленный в землю, полный обиды, замешательства и смущения.

2. Косвенный отказ партнеру по коммуникации в получении полноценной информации может осуществляться с помощью встречного вопроса, псевдонепонимания того, о ком / о чем идет речь и т.д. Необходимо добавить, что способом выражения лжи являются также полуправда или двусмысленность (В.В. Знаков), которые также реализуются в определенном вербально-невербальном контексте.

В следующем примере из романа Дж. Б. Пристли “Angel Pavement” (Улица ангела) возлюбленная Тарджиса Лина Голспи, которую он пригласил в театр, смотрит не на него, а бросает взгляды на какого-то парня, отчего Тарджис ужасно страдает. Он пытается выяснить с ней отношения, хотя и понимает, что делает это неловко.

At last, during the interval, he caught her smiling, yes, actually smiling, at the chap. Instantly, he felt miserable, then angry, then miserable again.

He could stand it no longer. “Do you know that chap there?” he asked trying to appear light and easy.

“Which one? What are you talking about?”

“Well, you keep smiling at him – I mean, that one there, the chap who’s just had a permanent wave, by the look of him.”

“Oh, the one who keeps looking around. He seems to think he knows me, doesn’t he? He’s rather attractive, as a matter of fact.”

“Well, I suppose as long as you think so, it’s all right, isn’t it?” said Turgis bitterly. He could feel a pain, a real pain, as bad as toothache, somewhere inside him [Priestley 1974: 278–279].

В этой любовной игре ложное высказывание девушки построено на полуправде. С одной стороны, она не отрицает того факта, что какой-то юноша действительно существует и даже своим видом показывает ей, как будто бы знает Лину. Но в то же время она уходит от прямого ответа на вопрос Тарджиса о том, действительно ли она с этим парнем переглядывалась. Ее высказывание риторично: в нем героиня использует уловки, делающие критерий истинности непримени-

мым из-за двусмысленности сообщения. Желая переключить внимание собеседника на другую тему, она сама задает ему вопросы и бросает как бы невзначай реплики о довольно привлекательной внешности юноши. Трудно понять, говорит ли она правду или лжет. Герой может принять ее щебетанье за чистую монету, однако его терзают сомнения.

Автор романа использует экспрессивные лингвистические средства для характеристики героини. Во-первых, она переспрашивает своего спутника о том, кого конкретно он имеет в виду, т.е. отвлекает его внимание от сути вопроса и при этом прибегает к многословию. Ее вопросы следуют один за другим, они вонзаются, словно стрелы, в тело бедного Тарджиса. Во-вторых, она и не думает о том, чтобы ответить на его вопрос, ей, вероятно, кажется, что она очень умело действует в данных обстоятельствах. Автор вкладывает в ее уста фразы, которые должны бы успокоить героя, – так, она пытается рассуждать об этом юноше и о его привлекательности. Жестокость ее реплик заключается в их синтаксическом оформлении. Все они носят вопросительный характер: “question tags” (разделительные вопросы) следуют один за другим. Этот тон пытается поддержать и Тарджис, хотя понятно, каким униженным он себя чувствует. Невербальными средствами (они выделены в тексте курсивом), с помощью авторских ремарок переданы и боль, и страдание молодого человека. Автор не скупится на экспрессивные средства и стилистические приемы для доказательства этого факта. Так, он прибегает к повтору слова “miserable” и градации при описании душевного состояния Тарджиса: *he could feel a pain, a real pain* (градация), а также к стилистическому сравнению при описании этой боли: *as bad as toothache*.

Итак, можно утверждать, что ложное высказывание Лины Голспи относится к категории косвенного отказа, так как она сознательно искажает истину и осуществляет это с целью ввести собеседника в заблуждение. Кроме того, девушка задает встречный вопрос, свидетельствующий о якобы непонимании того, о ком именно идет речь: “Which one? What are you talking about?” Фактически вопрос переадресован Тарджису, который, как мы поняли из этого акта коммуникации, невыносимо страдает. Это намеренная ложь. Лина явно ведет нечестную игру.

К средствам косвенного отказа относятся также такие маркеры ложных высказываний, как риторические вопросы, игнорирование реплик адресанта, молчание, недосказ и т.п. Следующий пример взят из романа У.С. Моэма “The Theatre”

(Театр). Джулия задела самолюбие своего молодого любовника, оставляя ему деньги на чаевые для прислуги, желая его унижить и сделать ему больно. Оскорбленный Том возвращает ей полученные от нее подарки и деньги. Джулия поняла, что зашла слишком далеко, и, боясь потерять его, пытается исправить ситуацию в телефонном разговоре с ним. Это непростой разговор для Джулии, её речь сопровождается характерными для лучшего человека психофизиологическими реакциями, которые выражаются в авторских ремарках.

“Did you get the notes this morning?”

“Yes. I couldn’t make head or tail of it. Have I offended you?”

“Oh? No,” he answered. “I like being treated as a kept boy. I like having it thrown in my face that even my tips have to be given me. I thought it rather strange that you didn’t send me the money for a third-class ticket back to London.”

Although Julia was in a pitiable state of anxiety, so that she could hardly get the words out of her mouth, she almost smiled at his fatuous irony. He was a silly little thing.

“But you can’t imagine that I wanted to hurt your feelings. You surely know me well enough to know that’s the last thing I should do.”

“That only makes it worse.” (“Damn and curse,” thought Julia) “I ought never to have let you make me those presents, I should never have let you lend me money.”

“I don’t know what you mean. It’s all some horrible misunderstanding. Come and fetch me after the play and we’ll have it out. I know I can explain.” [Моэм 2004: 155–156].

В данном диалоге присутствует косвенный отказ коммуниканту (Тому) в праве на получение достоверной информации.

Джулия явно лжет молодому человеку, говоря “But you can’t imagine that I wanted to hurt your feelings.” Ее ложь становится явной из авторской ремарки “Damn and curse”, Джулия сама себя разоблачает этим, читатель понимает ее лицемерие и лживость. Вербальные признаки обмана обнаруживаются в негативных конструкциях: “But you can’t imagine...”, “I don’t know what you mean...”, через использование слова с отрицательным суффиксом “misunderstanding”, а также императива “Come and fetch me after the play”, который в других обстоятельствах звучал бы вполне нейтрально, а в данном случае служит способом одурачивания неопытного Тома. Джулия продумала свое поведение заранее, и это чувствуется по той легкости, с которой она задает собеседнику вопрос о том, не обиделся ли он:

“Have I offended you?” Этот вопрос построен на противопоставлении сказанного буквальному значению, поскольку его импликатура заключается в утверждении: «Я-то прекрасно знаю, что обидела тебя, но ты не должен этого подозревать». Интересно отметить, что Том уже начинает понимать ее игру и отвечает Джулии неправдой, заключенной в иронию, суть которой состоит в том, что он якобы рад подвергнуться унижениям. Это сознательное искажение правды со стороны Тома порождает новое средство косвенного отказа со стороны Джулии – ее ложное высказывание о том, что она никогда не могла бы принести страдания своему любовнику. Она прибегает к многословию, что также является признаком ложного высказывания, содержащего косвенный отказ в получении партнером по коммуникации полноценной информации. В конце приведенного фрагмента разговора она блокирует выдачу информации: “I don’t know what you mean. It’s all some horrible misunderstanding”.

Невербальные средства проявляются в авторских ремарках о довольно щекотливом положении Джулии в данной ситуации и о ее истинном отношении к тому, кого она считает просто дурачком (“He was a silly little thing”), а также в использовании экспрессивной лексики, отражающей ее мысли.

3. Потенциальный отказ в праве на получение информации заключается в том, чтобы «не подпустить» партнера по коммуникации к проблемной информационной зоне или переключить внимание партнера с проблемной информационной зоны. «Под проблемной информационной зоной коммуниканта понимается информация, которой владеет данный коммуникант, связанная для него с чувством стыда, вины, а также с вероятностью понести наказание в случае ее сообщения партнеру по коммуникации. “Проблемность” в данном случае является относительным понятием, поскольку проблемная информационная зона коммуниканта может быть ориентирована на конкретного партнера по коммуникации и изменяться со сменой адресата» [Попчук 2006: 14].

Каковы средства реализации потенциального отказа? В результате исследования приемов речевого воздействия выделяются следующие: переключение реального или потенциального внимания собеседника с проблемной информационной зоны. Примеров потенциальных отказов в англоязычной литературе находим довольно много. Обратимся к пьесе Дж.Б. Пристли “Dangerous Corner” (Опасный поворот). В респектабельной семье Роберта и Фриды после радиопередачи по Би-Би-Си «Не будите спящую

собаку» гости и хозяева решают обсудить тему правды и полуправды. Провоцирует разговор друг семьи – писательница Мисс М., которая поняла, что в семье есть тайна, которую ей хочется выведать. Муж (Роберт) готов к этому обсуждению, но его жена (Фрида) избегает говорить о том, что, по всей вероятности, составляет ее тайну.

Miss M. [who obviously likes a discussion]: I’m not convinced, Miss Peel. I’m ready to welcome what you call half the truth – the facts.

ROBERT: So am I. I’m all for it.

FREDA [enigmatically]: You would be, Robert.

ROBERT: What do you mean by that, Freda?

FREDA [nonchalantly]: Anything, nothing. Let’s talk about something more amusing. Who wants a drink? Drinks, Robert. And cigarettes [Priestley 1989: 23].

Обратим внимание на то, что Фрида явно уклоняется от прямого ответа, но при этом она загадочна и притворно беззаботна. На прямой вопрос мужа о том, что она имеет в виду, Фрида отвечает загадкой, импликатуру которой можно воспринять «Как хотите, так и понимайте». Здесь налицо не только неискренность, но и явное сокрытие правды. Достигается это с помощью туманной антонимической фразы “anything, nothing” и сменой темы разговора. Отказ Фриды представить полноценную информацию Роберту (или хотя бы какую-нибудь информацию, полуправду например) реализуется путем переключения его внимания с проблемной информационной зоны на глупый, никчемный разговор. Таким образом, собеседница уклоняется от необходимости говорить правду. Уклончивые ответы Фриды сопровождаются невербальными элементами паралингвистического характера. Это авторские реплики “enigmatically” (загадочно) и “nonchalantly” (беззаботно, беспечно, легко), которые помогают читателю понять, насколько еще далека трагедия (самоубийство Роберта) и как уверенно чувствует себя пока Фрида. Она явно отвлекает внимание мужа на пустяки, автор прибегает в данном случае к такому явлению стилистического синтаксиса, как эллиптические предложения: “Drinks, Robert. And cigarettes.” Они создают особый ритм, впечатление игры и веселья, т.е. всего того, что необходимо Фриде для оправдания своей неискренности. Прямолинейная, серьезная реплика-просьба Роберта “I’m all for it” контрастирует с притворно легкомысленным ответом Фриды. Роберт не получил нужной ему информации и, как следует из дальнейшего течения событий, немного сбит с толку.

Если в приведенном выше примере героиня переключает внимание адресата с проблемной информационной зоны с помощью императива: "Let's talk about something more amusing" (Давайте поговорим о чем-нибудь более веселом), то в следующем фрагменте этот прием звучит более решительно. В данном отрывке подруга жены Олвен, которая знает правду, но не желает рассказать о ней, не только переключает внимание Роберта с проблемной информационной зоны, но и блокирует последующую информацию.

ROBERT: Olwen, I'm going to be rather rude, but I know you won't mind. You know you suddenly stopped telling the truth then, didn't you? You're absolutely positive that this is the box Martin showed you, just as Freda is equally positive it isn't.

OLWEN: Well, does that matter? [Priestley 1989: 27].

Олвен отказывает Роберту в праве на получение достоверной информации с помощью отвлекающего маневра. Фактически она отвечает вопросом на вопрос, чем провоцирует отказ от дачи правдивых сведений (выделен полужирным шрифтом). К такому приему языковой игры люди прибегают тогда, когда хотят намеренно скрыть реальную ситуацию, либо для того, чтобы не обидеть собеседника, либо для того, чтобы спасти себя от разоблачения. В данном случае задача Олвен уйти от ответственности, притвориться ничего не знающим человеком, для которого выспрашиваемые детали якобы не имеют значения. Экстралингвистическим невербальным элементом в данном коммуникативном акте является повышение тона, которое естественно для вопросительного предложения, тем более что в него вложен и сильный эмоциональный заряд, импликатура: «А не пора ли прекратить весь этот разговор?»

В завершение обсуждения потенциального отказа проведем анализ разговора Джулии Ламберт с молодым любовником на их первом ужине в ресторане (роман У.С. Моэма "Theatre"). Героиня понимает, что молодой человек беден, и пытается как-то помочь ему.

"Have you ever taken an actress out to supper before?"

He blushed scarlet.

"Never."

She hated to let him pay the bill, she had an inkling that it was costing pretty well his week's salary, but she knew it would hurt his pride if she offered to pay it herself. She asked casually what the time was and instinctively he looked at his wrist.

"I forgot to put on my watch."

She gave him a searching look.

"Have you pawned it?"

He reddened again.

"No. I dressed in rather a hurry tonight."

She only had to look at his tie to know that he had done no such thing. He was lying to her. She knew that he had pawned his watch in order to take her out to supper [Моэм 2004: 124].

Приведенный отрывок представляет собой богатый материал для анализа вербально-невербального контекста ложных высказываний различных типов. Преобладающей формой отказа в нем является потенциальный отказ, проходящий красной нитью по всему тексту. Ответы Тома на якобы незаинтересованные вопросы Джулии, женщины опытной, и к тому же актрисы, направлены на то, чтобы переключить ее внимание с проблемной информационной зоны, т.е. от его материального состояния. Любой молодой человек в такой ситуации чувствовал бы страшную неловкость, разговор этот для него тягостен и унизителен. Описанию его психофизического состояния в этот момент служат односложные ответы: "I forgot to put on my watch" и "I dressed in rather a hurry tonight". Вербальные характеристики их диалога на первый взгляд очень просты и банальны: вопрос – ответ. Но импликатура каждой произнесенной реплики чрезвычайно богата. С его стороны это: "О, не терзайте меня Вашими расспросами, разве Вы не видите, как я страдаю?" Автор поддерживает эти импликатуры невербальными паралингвистическими средствами: описанием его лица, которое краснеет при каждом вопросе Джулии и заставляет его отвечать односложно и невыразительно. Стиль его реплик краток и не очень информативен. Импликатуры Джулии можно вывести из авторского описания ее реакции на слова Тома: "She hated him to pay the bill... She knew it would hurt his pride if she offered to pay it herself", и означать они могут следующее: «Как бы мне попытаться уговорить Тома не платить за этот ужин?» или «Я очень хорошо понимаю, что ты горд и хочешь показаться независимым, но как же ты раним! Боюсь, что сегодня у меня ничего не выйдет, но вот в следующий раз...». Интересно отметить, что наряду с потенциальным отказом здесь наблюдается и прямой отказ и выражен он с юношеским максимализмом "No". Правда, Том спешит объясниться с помощью уже цитированной фразы "I dressed in rather a hurry tonight", но мудрой Джулии достаточно было взглянуть на его галстук, чтобы понять, что он намеренно отказывает ей в получении правдивой информации о себе.

В результате проведенного нами исследования на материале англоязычных художественных произведений были выявлены вербальные и невербальные признаки ложных высказываний. Комплексный анализ вербального и невербального контекстов показал, что каждому виду отказа партнеру по коммуникации в праве на получение полноценной информации/информации как таковой присущи специфические лингвостилистические, экстралингвистические и паралингвистические особенности.

Прямой отказ лингвистически выражается отрицательными модальными структурами и такими невербальными средствами, как молчание, повышение или понижение тона голоса, изменение мимики и жестов и стремление избежать визуального контакта.

Косвенный отказ характеризуется использованием встречных вопросов, разделительных вопросов, многословием, употреблением экспрессивной лексики, стилистическим сравнением, повторами, градацией, иронией. К невербальным средствам косвенного отказа относятся такие эмоциональные реакции, как раздражение, состояние агрессии, волнение, быстрый темп речи.

Потенциальный отказ отличается преобладанием речевых структур, переключающих внимание собеседника с проблемной информационной зоны: императив, парцелляция, антонимические фразы. Невербальными спутниками потенциального отказа являются наличие имплицатур, психофизические реакции, такие как покраснение, чувство стыда и чувство вины.

Комплексный анализ невербальных средств реализации ложных высказываний различных видов с позиции лингвистики является до сих пор малоизученным аспектом и представляет интерес для дальнейших исследований в области стилистики, литературоведения, теории аргументации и лингвистической экспертологии.

Примечание

¹ Данное исследование проведено на средства Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., в рамках реализации мероприятия № 1.2.2 Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук.

Список литературы

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Теория литературы: хрестоматия.

Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. Вып.1. С.224–240.

Знаков В.В. Послесловие. Западные и русские традиции в понимании лжи: размышления российского психолога над исследованиями Пола Экмана // Экман П. Психология лжи / под науч. ред. В.В. Знакова; пер. с англ. Н.Исуповой, Н.Мальгиной, Н.Миронова, О.Тереховой. СПб.: Питер, 2009. С.243–266. (Сер. Мастера психологии).

Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия (1797) / пер. с нем. Н.Вальденберга // Кант И. Собр. соч. 1794–1994: в 8 т. / под общ. ред. А.В.Гулыги; пер. с нем. Н.Вальденберга, Т.Васильевой, А.Гулыги и др. Юбил. изд. М.: Чоро, 1994. Т.8. С.256–262.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2000. 40 с.

Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М.: Наука, 1977. 62 с.

Лурья А.Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле // Сов. право. 1927. № 2 (26). С.11–15.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

Мозм У. Сомерсет. Театр: книга для чтения на англ. яз. М.: Менеджер, 2004. 304 с.

Набоков В.В. Другие берега. Автобиография // Собр. соч. 1899-1999: в 5 т. / сост. Н.И.Артеменко–Толстая. Юбил. изд. СПб.: Симпозиум, 2000. Т.5. С.140–335.

Попчук О.М. Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 27 с.

Солганик Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 1997. 256 с.

Экман П. Психология лжи / под науч. ред. В.В.Знакова; пер. с англ. Н.Исуповой, Н.Мальгиной, Н.Миронова, О.Тереховой. СПб.: Питер, 2009. 270 с. (Сер. Мастера психологии).

Maugham W.S. Rain and Other Short Stories. М.: Progress Publishers, 1977.407 с.

Priestley J.B. Angel Pavement. М.: Progress Publishers, 1974. 504 с.

Priestley J.B. Dangerous Corner and other plays. М.: Vysšaja љkola, 1989. P.9–63.

Shaw I. Lucy Crown. Falmouth, Cornwall: New English Library. Hodder and Stoughton, 1989. 253 p.

VERBAL-NONVERBAL CONTEXT OF FALSE UTTERANCES
(in English and American fiction literature of the XX century)

Tamara I. Leontieva

**Professor of Intercultural Communication and Translation Studies Department
Vladivostok State University of Economics and Service**

Lyudmila A. Dutcher

**Reader of Intercultural Communication and Translation Studies Department
Vladivostok State University of Economics and Service**

Olga V. Filippova

**Senior Lecturer of Department of Intercultural Communication and Translation Studies Department
Vladivostok State University of Economics and Service**

Producing a false utterance, the sender deprives a communication partner of a right to receive full information. The article discusses verbal markers of false utterances, as well as nonverbal markers of falsehood. Together they constitute the verbal-nonverbal context. Analysis of the context is carried out by a complex technique that allows tracking implementation of components in terms of psychology, psycholinguistics, stylistics, literary criticism and, thus, verifying falsehood in utterances according to certain markers. The data is presented by dialogue fragments from English and American literature.

Keywords: false utterances; direct; indirect; potential refuse; problematic information zone; implicature; non-verbal elements of extralinguistic nature.